

*Библиотека*  
*журнала*  
*«Вопросы образования»*

# Who's Afraid of the Big Bad Dragon?

*Why China Has the Best  
(and Worst) Education System  
in the World*

YONG ZHAO

# Кто боится большого злого дракона?

*Почему в Китае лучшая  
(и худшая) система  
образования в мире*

ЧЖАО ЮН

*Перевод с английского*  
ИРИНЫ ПОЛОНСКОЙ  
*под научной редакцией*  
АЛЕКСАНДРА ЮРКЕВИЧА



*Издательский дом  
Высшей школы экономики*  
МОСКВА, 2017

УДК 37.01(510)  
ББК 74.04(5Кит)  
Ч-57

*Редакционный совет серии*

ЯРОСЛАВ КУЗЬМИНОВ, ИСАК ФРУМИН,  
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ, ЕЛЕНА ПЕНСКАЯ,  
МАРИЯ ЮДКЕВИЧ, СЕРГЕЙ ФИЛОНОВИЧ,  
ЛЕВ ЛЮБИМОВ, АЛЕКСАНДР СИДОРКИН,  
ДАНИИЛ АЛЕКСАНДРОВ,  
ВИКТОР БОЛОТОВ

*Дизайн серии*

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

*Научный редактор перевода*

АЛЕКСАНДР ЮРКЕВИЧ

*Перевод книги: Yong Zhao. Who's Afraid of the Big Bad Dragon? Why China Has the Best (and Worst) Education System in the World published by Jossey-Bass, a Wiley Brand <www.josseybass.com>. This translation is published under license with John Wiley & Sons, Inc.*

Фотография на обложке: © 2015 Veroniricy / Wikimedia Commons / CC-BY-SA-4.0 <补课.png>

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики <<http://id.hse.ru>>

ISBN 978-1-118-48713-6 (англ.)

Copyright © 2014 by John Wiley & Sons, Inc.  
All rights reserved.

ISBN 978-5-7598-1521-1 (рус.: в пер.)  
ISBN 978-5-7598-1626-3 (рус.: e-book)

© Перевод на русский язык. Издательский дом Высшей школы экономики, 2017

# ОГЛАВЛЕНИЕ

---

- Чем болеет «большой дракон»,  
или Кого и что критикует  
профессор Чжао Юн  
(Александр Юркевич) 7
- Выражение признательности 21
- Введение.  
Роковое влечение:  
самоубийственное стремление Америки  
к превосходству в образовании 23
- ГЛАВА 1.  
ОДУРАЧИВАЯ КИТАЙ,  
ОДУРАЧИВАЯ МИР:  
ИЛЛЮЗИИ ПРЕВОСХОДСТВА 39
- ГЛАВА 2.  
ИГРА ИМПЕРАТОРОВ:  
СОВЕРШЕННЫЙ МЕХАНИЗМ  
ГОМОГЕНИЗАЦИИ 63
- ГЛАВА 3.  
ПРАВИТЬ НЕ УПРАВЛЯЯ:  
ОТХОД ОТ АВТОРИТАРИЗМА  
И КИТАЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ  
БУМ 91
- ГЛАВА 4.  
КОЛЕБЛЮЩИЙСЯ УЧЕНИК:  
КОЛЛИЗИИ «ВЕСТЕРНИЗАЦИИ  
НАПОЛОВИНУ» 122
- ГЛАВА 5.  
КАК ОДУРАЧИТЬ ИМПЕРАТОРА:  
ПРАВДА О СПОСОБНОСТИ КИТАЯ  
К ИННОВАЦИЯМ 153

ГЛАВА 6.

АД НА ПУТИ В РАЙ:  
КАК ДЕЛАЕТСЯ ЛУЧШЕЕ —  
ОНО ЖЕ И ХУДШЕЕ —  
ОБРАЗОВАНИЕ В МИРЕ 190

ГЛАВА 7.

ВЕДЬМА, КОТОРУЮ  
НЕВОЗМОЖНО УБИТЬ:  
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ  
И ОТСТУПЛЕНИЯ 222

ГЛАВА 8.

ИМПЕРАТОР ГОЛЫЙ:  
УЧИМСЯ НА ОПЫТЕ КИТАЯ,  
ЧЕГО НЕ СЛЕДУЕТ ДЕЛАТЬ 255

Библиография 290

Об авторе 298

Отзывы о книге 300

*Чем болеет «большой дракон»,  
или Кого и что критикует профессор Чжао Юн*

Автор этой книги Чжао Юн<sup>1</sup> — специалист по проблемам организации образования, методист и педагог, уже без малого четверть века работающий в университетах и научных учреждениях Запада, главным образом в США. Но до 1992 г. он жил и учился в КНР, а впоследствии продолжал следить за развитием образования на родине и поддерживать контакты с китайскими коллегами. Поэтому он имеет возможность оценить проблемы средней и высшей школы Китая с позиций ее воспитанника и одновременно — глазами человека, глубоко интегрированного в западную академическую среду.

Заглавие книги недвусмысленно предупреждает о том, что разговор так или иначе затронет тему реальной или гипотетической угрозы кому-то или чему-то со стороны Китая. Уже данное об-

<sup>1</sup> Фамилия автора — Чжао, имя — Юн. По китайским правилам (которые соблюдаются также в западной научной литературе и в официальных международных документах) сначала пишется (как и произносится) фамилия, затем — односложное или двусложное имя (например: Мао Цзэдун, Дэн Сяопин и т.п., где Мао и Дэн — фамилии; при этом в транслитерации написание инициалов вместо полных имен не допускается). В западной литературе нередко применяется инверсированная форма написания китайских имен и фамилий, когда имя стоит на первом месте, что представляется естественным западному широкому читателю и редакторам популярных изданий. В английском оригинале данной книги китайские имена и фамилии передаются то на китайский, то на европейский манер. В русском переводе соблюдается корректный способ передачи китайских фамилий и имен, за исключением библиографических записей, где оставлены последовательности, избранные редактором английского текста. Сокращения китайских имен до инициалов в библиографических записях, не принятые в научных текстах, но обычные в популярных публикациях на западных языках, оставлены в том виде, в каком они присутствовали в английском тексте. — А. Ю.

стоятельство должно обеспечить работе Чжао Юна внимание российской читательской аудитории. Для наших социально и политически активных сограждан тема силы и слабостей Китая, его способности быть источником полезных заимствований или опасности представляет далеко не отвлеченный интерес. Кто-то усматривает в преуспевающем восточном гиганте вызов России, кто-то — воплощенный укор отечественному истеблишменту, не обеспечившему родному государству столь же высокие темпы экономического и технологического развития. И те и другие найдут в книге немало любопытных сведений о развитии образования в Китае и попытках адаптации страны к изменяющейся ситуации в мире, предпринимаемых в разные исторические периоды, интересных рассуждений о трендах и перспективах китайской и западной педагогики.

В том, что Китай достиг впечатляющих успехов и на ниве подготовки квалифицированных трудовых ресурсов, не позволяют усомниться данные статистики. Еще в 2009 г. число студентов вузов в Китае достигло 20 млн. Мы ежегодно видим университеты КНР в мировых топ-100 и топ-200 по разным версиям, в подавляющем большинстве случаев далеко впереди лидеров российской высшей школы — численно и по месту в списке (за исключением разве что репутационных рейтингов, где выручает слава МГУ и ЛГУ советских времен). Легко соотнести эти данные с ростом ВВП страны (в 56 раз с 1980 г., в 2016 г. — 11 383 млрд долл. против 1132,7 в России). В 2009 г. весьма впечатлила зарубежных аналитиков и прессу, как показывает Чжао Юн, победа шанхайских 15-летних школьников в тестировании, проведенном в рамках Программы международной аттестации

учащихся (Programme for International Student Assessment, PISA) (см. с. 258–259). На следующем тестировании, в 2012 г., шанхайские подростки добились высшего результата по математике (более 600 баллов) и стали лучшими в конкурсе по естественным наукам, а задания по «чтению» (включающие понимание и усвоение содержания текста) на их уровне выполнили лишь школьники Тайваня, Южной Кореи, Гонконга и Сингапура. Россия тогда оказалась в четвертом десятке, уступив в том числе Хорватии.

И тем не менее Чжао Юн категорически отрицает правомерность высоких оценок современной китайской системы образования. Она только внешне выглядит преуспевающей, уверяет он, и лишь постольку, поскольку о ней предлагается судить на основании не слишком удачных критериев. В своем очерке истории образования в Китае он показывает, как там столетиями складывался специфический комплекс императивов и навыков, формировавших культуру высококлассных «сдатчиков экзаменов» (с. 28). Этот комплекс, по мнению автора книги, при всех исторических изменениях действует до сих пор. Он жестко ориентирован на нормы и критерии, предлагаемые властью, и обеспечивает отбор элиты по принципу верности заданному нормативу. Но при этом жестко подавляет творческое начало, способность к нестандартному мышлению, отходу от канонов.

Отсюда вывод: китайского дракона не следует бояться. Ему вряд ли суждено обойти развитые страны в научно-техническом развитии, а его экономические успехи объясняются главным образом удачным использованием конкурентных преимуществ, прежде всего дешевизны рабочей силы, и эти преимущества иссякают (с. 256).

Однако, полагает автор, превосходство «свободного мира» останется незыблемым лишь при одном непереносимом условии: если этот мир не вздумает подражать китайскому «авторитарному капитализму», приняв его недостатки за причины успеха (с. 33), и сам не «превратится в Китай» (с. 37).

А возможность «превращения в дракона», прямо-таки по сюжету известной сказки, реальна, доказывает Чжао Юн. Вопреки заглавию, которое словно бы обещает некую интригу в поисках тех, кто робеет перед авторитетом китайского чуда, автор перечисляет их в первой же главе. Причем среди убоявшихся оказывается немало восторженных поклонников Китая, высоко оценивающих опыт его развития. Среди них эпатажный колумнист «New York Times» Томас Фридман, объявивший китайскую систему управления весьма эффективной; создатель концепции «Пекинского консенсуса» Джошуа Рамо, увидевший в китайском опыте политического и экономического строительства образец для развивающихся стран и антитезу «Вашингтонскому консенсусу», основанному на рецептах либерально-демократических преобразований и свободного рынка; британские и американские апологеты китайской «мягкой силы» и прочие западные интеллектуалы, призывающие учиться у Китая. И те, кто страшится «большого злого дракона» и боится отстать от него, и те, кто усматривает в его примере здоровую альтернативу западным политическим, экономическим и образовательным моделям, по Чжао Юну, упускают из виду хронические недостатки китайской системы подготовки кадров. Она представляет собой «эффективно работающую машину для внушения того, что — согласно желанию властей — должны усвоить ученики», од-

нако «неспособна поддерживать индивидуальные дарования, культивировать разнообразие талантов и стимулировать способность и решимость творить» (с. 36), в которой так нуждается современное общество. Поэтому не многие выпускники китайских колледжей находят себе применение за рубежами Китая — лишь 10% из них признаются годными для работы в мировом бизнесе (с. 37–38).

Как может убедиться читатель, рассуждения Чжао Юна, подкрепленные экскурсами в историю, мнениями экспертов и нелицеприятными для Китая фактами, вполне способны вызвать доверие. Он доказывает, что достижения Китая в сфере образования сводятся главным образом к воспитанию «выдающихся мастеров *тестирования* (курсив мой. — А. Ю.)» (с. 256). Того самого метода проверки знаний, который уже давно вошел в нашу жизнь и решительно отстаивается ответственными за образование государственными органами — прежде всего как орудие победы над субъективизмом, предвзятостью и коррупцией при поступлении в вузы. И, что любопытно, заимствовано это орудие отнюдь не из китайской древности, а из самой что ни на есть современной практики развитых стран.

О том, что решающее тестирование категорически не устраивает Чжао Юна не только в Китае, но и в ставшей родной для него Америке, говорит уже первая глава его книги. Она начинается с критики не китайских, а американских реалий. Автор показывает, как упор на формальные критерии успеха образовательных учреждений ведет к подлогам и злоупотреблениям в самом сердце «свободного мира». Стандартизованное тестирование, за которое ратуют близкие к официальным кругам педагоги и теорети-

ки образования как за панацею, для Чжао Юна «сделка Фауста, в которую она (Америка) вступила с дьяволом авторитаризма» (с. 29). Итогом этой сделки станут «утрата ценностей, которые помогли Америке стать самой процветающей и развитой страной» — и неизбежная потеря «времени, ресурсов и возможностей, необходимых для того, чтобы создать новое образование, способное, как прежде, лидировать в мире» (с. 29).

Сам Чжао Юн выступает за создание такой системы образования, «которая культивировала бы индивидуальные способности, шла за интересами детей и стимулировала их социально-эмоциональное развитие» (с. 37). И готовить она призвана «компетентных на глобальном уровне, творческих, инновационно мыслящих, предприимчивых граждан, которые стали бы создателями рабочих мест, а не искателями их, обладающими ограниченным менталитетом наемных работников» (с. 37).

Примечательно, что предыдущая книга Чжао Юна, вышедшая в 2012 г., называется «Ученики мирового класса: обучение креативных и предприимчивых учащихся». У него есть собственные взгляды на организацию образования, а также методические разработки, которые он готов предложить для внедрения в практику. И которые очевидно идут вразрез с некоторыми тенденциями в развитии среднего и высшего образования.

Но неужели же автор всерьез полагает, что перепуганные усилением красного Китая американские officials обезумеют настолько, что в панике примутся внедрять его опыт у себя дома?

Вряд ли. Чжао Юн всего лишь подвергает критике не устраивающие его тенденции в американском образовании — и делает это довольно дипломатично. Обрушивая свой обличительный

пафос главным образом на некогда бедную, а теперь вполне состоятельную родину — олицетворение мирового авторитаризма, он демонстрирует абсурдность ситуации, когда признанные борцы с авторитаризмом зарубежным сами поражены этим недугом.

Нет, он не призывает Запад видеть в Китае непосредственную угрозу своему господству. Опасность, по Чжао Юну, исходит от таких моделей в сфере образования, которые в случае их применения (заимствования ли?) станут губительными для таких исконно западных ценностей, как свобода личности, инициативность и предприимчивость. Чтобы доказать это, он и показывает органичность тех принципов, что лежат в основе ущербной организации познания, для китайской социально-политической культуры с ее традициями государственного диктата и идеологического контроля во всех сферах общественной жизни.

В результате диагностика хворей западной системы образования западному же читателю книги подается как анализ патогенеза хронических заболеваний, которыми страдает китайская концепция обучения и воспитания.

По Чжао Юну, она повинна в поощрении социальной конкуренции, которая проявляется в яростной борьбе китайских выпускников школ за поступление в элитарные университеты, где конкурс доходит до сотни человек на место; ответственна за колоссальную моральную нагрузку на участников ежегодного единого вступительного экзамена в вузы (гаокао), за истязания школьников честолюбивыми родителями, за психические срывы неудачников, за создание индустрии натаскивания на выполнение тестовых заданий в ущерб развитию творческого мышления и инициативы, за отсутствие внима-

ния к нуждам людей с ограниченными возможностями, которые не получают шанса на развитие своих особых дарований в рамках стандартной системы образования, и многие другие неприятные реалии китайской жизни. Трудно сказать, насколько Чжао Юн рассчитывает на то, что американские функционеры, отвечающие за образование, устыдятся соблазна формализации оценок и критериев качества обучения, который толкает на скользкую дорожку авторитаризма, укорененного в эпохе мандаринов и пестуемого коммунистическим режимом. Но то, что автор пытается убедить читателя в пагубности тех принципов, которые ныне активно, с энтузиазмом и в массовом порядке внедряются в мировую образовательную практику, и хотел бы расширить ряды своих единомышленников, очевидно.

Чжао Юн весьма прозрачно намекает на действительный объект своей критики, начиная изложение с описания безобразий, творимых ретивыми американскими чиновниками от педагогики, и прямо связывает их с усилением авторитарных тенденций в образовании США (с. 23–33). Приводит он и нелицеприятные отзывы специалистов о методиках тестирования, применяемых PISA. Предлагаемые ею тесты, включает Чжао Юн, позволяют продемонстрировать всего лишь способность выполнять строго определенные задания по ограниченному числу предметов (с. 60–267).

Примечательно, что расширение состава китайских участников тестирования в 2015 г., когда к шанхайской элите присоединились школьники Пекина, провинций Цзянсу и Гуандун, показало резкое снижение результатов: 10-е место по естественным наукам, 6-е — по математике и посредственные успехи в «чтении». Что не очень

огорчило китайскую сторону — в КНР прекрасно понимают условность и ограниченность критериев, применяемых организаторами испытания.

Но насколько автор прав в критике именно китайской системы образования? И как точно определяет истоки и причины тех недостатков, которые равно присущи и ей, и образовательным институтам «свободного мира»?

И отзывы моих коллег-китаистов, учившихся в Китае, и собственный опыт академического общения с китайскими студентами и аспирантами, и публикации зарубежных специалистов по китайской педагогике однозначно говорят о том, что воспитание творческой самостоятельности и инициативности, тяги к новациям в области теории действительно трудно назвать сильной стороной китайской высшей школы. В то же время было бы явным и несправедливым преувеличением считать выпускников китайских вузов поголовно неспособными к творчеству. Отзывы о неготовности большинства из них к работе в мировом бизнесе, на которые ссылается Чжао Юн, во-первых, относятся к 2005 г., а с тех пор многое в китайском образовании и в мире изменилось, во-вторых, никак не умаляют успехов китайских деловых кругов, вполне уверенно чувствующих себя на международной арене.

В то же время Чжао Юн относит к признакам авторитаризма и такие качества китайских учащихся, которые никак не препятствуют творческому началу. Так, воспитанники «авторитарных систем» — выходцы из России, а также из Индонезии, Сингапура, Китая и других восточных стран — существенно реже своих западных сверстников относят неудачу в прохождении тестирования на счет промахов преподавателей, плохо объяснивших материал или правила выполнения задания. По Чжао Юну, это отчетливое

проявление слепой веры в непогрешимость наставника и неуверенности в себе (с. 35, 270–273). Возможно, будущим организаторам бизнеса и созидателям рабочих мест умение признавать свои ошибки ни к чему. А вот инженерам и медикам такое качество вполне бы подошло. В стремлении «перевести стрелки» на преподавателя, скорее, просматривается влияние известной тенденции к трансформации образования в «образовательные услуги», что закономерно подразумевает и апелляции по поводу «недолжного качества».

Акцент, который делает Чжао Юн на аргументы в пользу создания в сфере образования настолько творческой атмосферы, что она обеспечит массовое производство успешных бизнесменов и управленцев (см., например, с. 282–283), обусловлен спецификой интересов и ожиданий западной «целевой аудитории» книги. И тот же акцент вкупе с задачами критики авторитаризма китайского образца, видимо, не позволил автору прямо назвать причины так возмущающего его формального подхода к оценке качества образования. Которые не объяснишь ни традициями, ни пагубным влиянием «злого дракона», способного научить плохому демократический мир.

Попробуем вчерне определить эти причины за профессора Чжао Юна — в чисто гипотетическом ключе, разумеется.

С последней трети XX в. развитие и наиболее успешные из развивающихся стран мира стали переходить к массовому высшему образованию. Количество обладателей университетских дипломов возросло многократно. Опережающими темпами стало увеличиваться число учебных дисциплин и специализаций, требующих не прониновения в глубины мировой культуры и

освоения фундаментальных наук, но значительного объема практических знаний, умений и навыков, позволяющих решать проблемы текущего функционирования общества и государства. Бизнес и менеджмент стали знаменем нового витка прогресса в сфере образования. В растущем управленческом аппарате специалистов-технократов все интенсивнее стали вытеснять профессиональные менеджеры. Дабы «быть в тренде», руководители из числа узких (других, вообще-то, не бывает) специалистов усваивают принципы и ценности, способствующие успеху в мире политиков и деловых людей широкого профиля.

Естественно, что управленец-универсал (так же, как политик, курирующий ту или иную отрасль) испытывает потребность в максимально понятных и прозрачных для неспециалиста критериях оценивания работы тех систем, которые волею судеб попадают в зависимость от него. И не секрет, что его идеалы не всегда вмещаются в прокрустово ложе косных технократических представлений. Например, преподаватель иностранного языка привык считать, что увеличение числа учеников в группе ведет к снижению уровня их знаний и, следовательно, к падению эффективности его труда. Менеджер легко посрамит эти дилетантские выкладки с цифрами в руках: очевидно, что если преподаватель в течение академической пары окупит не 10, а 20 учащихся, то эффективность его деятельности возрастет вдвое.

Пример, конечно, грубый — зато взят из жизни.

И станет ли лучше обществу, если его система образования, как хочет Чжао Юн, окончательно переориентируется на воспроизводство прежде всего организаторов бизнеса, — тоже вопрос.

Представим себе государство, функционирующее по принципам ООО. Впрочем, это что-то знакомое.

Так или иначе, представляемая вниманию читателя книга заслуживает того, чтобы прочесть ее внимательно. И оценить как аргументацию автора, так и его намерения. Диагноз тенденциям в современной системе образования — и отнюдь не только китайской — он поставил в целом верно. А потому поиск средств исцеления — проблема интернациональная. Об этом говорят и заключительные слова автора о том, что модель образования, «которая отвечала бы требованиям глобального будущего» (с. 289), еще предстоит создать. Всем вместе.

*Александр Юркевич,  
кандидат исторических наук,  
доцент Школы востоковедения НИУ ВШЭ*

*Моим родителям,  
подарившим мне свободу  
быть самим собой*



## *Выражение признательности*

Раздел, посвященный выражению благодарности, всегда наиболее сложная часть работы над книгой, так как нет возможности перечислить всех тех, благодаря кому она возникла. В данном случае это особенно трудно сделать, поскольку книга писалась очень долго и мне помогали множество людей.

Сама идея написать книгу о китайском образовании возникла у меня более десяти лет назад, когда я впервые увидел, что закон «Ни одного отстающего ребенка» воплощает в себе дух китайского образования. Но вместо того, чтобы написать книгу о Китае, я пришел к тому, что написал книгу об образовании в Америке: «Догонять или идти впереди: американское образование в век глобализации» (2009). Тем не менее меня никогда не оставляло намерение написать о китайской системе образования, и мой редактор в издательстве Jossey-Bass, Марджори Мак-Анени, убедила меня вернуться к этому проекту. Работа с Марджи стала для меня одним из самых приятных и полезных интеллектуальных приключений в жизни. Она вдохновляла меня и мягко наводила на нужную мысль, моя книга несет на себе явный отпечаток ее профессионализма и редакторской правки настоящего эксперта.

Высказанные в этой книге мысли — результат множества моих бесед с коллегами и друзьями во всех странах мира. Но несколько человек оказали на мое мышление очень значительное влияние и заслуживают особой признательности: Кейт Кирби, исполнительный директор Фонда образования Азии, Австралия; Тони Мак-Кей, директор Австралийского института преподавания и руководства школами; Чжун Биньлин, президент Китайского образовательного общества; Гао

Чэнь, директор Средней школы Северо-Востока для одаренных детей; Гилберт Чоу, основатель детского сада имени III Интернационала в Пекине; Сюй Яньяо, руководитель Пекинского канала консалтинга; Сунь Цицзюнь, директор Комиссии по образованию района Чаоян (Пекин); Лю Либин, уполномоченный директор Комиссии по образованию района Чаоян; Рон Бегетто, ассоциированный профессор Университета штата Коннектикут; Ричард Элмор, профессор Гарвардской высшей педагогической школы. Я благодарен также Вань Юйсян за помощь со ссылками, содержащими частичный перевод названий указанных мной веб-сайтов.

Как всегда, моя жена Си Чэнь была и читателем, и критиком, и вдохновителем первых набросков. Она направляла мое внимание на новые источники, заставляя мыслить и писать разнообразнее. Мой сын, работающий в арт-клубе в Чикаго, послужил отличным живым примером того, как много значат в образовании увлеченность и интерес. Моя дочь Афина была неисчерпаемым источником вдохновения и улыбок.

## Чжао, Юн

Ч-57 Кто боится большого злого дракона? Почему в Китае лучшая (и худшая) система образования в мире [Текст] / пер. с англ. И. Полонской; под науч. ред. А. Юркевича; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — 304 с. — (Библиотека журнала «Вопросы образования»). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1521-1 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-1626-3 (e-book).

Ошеломляющие успехи на международной аттестации PISA китайских школьников, из года в год превосходящих учащихся из всех других стран в знаниях по математике, литературе и естественным наукам, сделали Китай одним из мировых лидеров в области образования. Американские педагоги и эксперты считают, что для сохранения лидирующих позиций в образовании и статуса мировой сверхдержавы стране следует взять за образец китайскую систему образования. Действительно, многие реформы, осуществляемые в американских школах, представляют собой подражание китайской системе. Америка след в след идет за Китаем, но стоит ли двигаться в этом направлении?

Чжао Юн, много лет проработавший учителем в Китае, предлагает увлекательный, в чем-то парадоксальный взгляд изнутри на китайскую систему школьного образования и открывает секреты того, как она стала одновременно «и лучшей и худшей» в мире. Он объясняет, как Китаю удается готовить учеников, занимающих первые места в мире по многим дисциплинам, и почему при этом китайские учителя, родители и политические лидеры ненавидят свою систему образования и стремятся отдать своих детей в западные школы. Эта насыщенная увлекательными историями и фактами книга — подробный и отрезвляющий от иллюзий экскурс по китайскому образованию.

УДК 37.01(510)

ББК 74.04(5Кит)

*Научное издание*

*Библиотека журнала «Вопросы образования»*

ЧЖАО ЮН

## КТО БОИТСЯ БОЛЬШОГО ЗЛОГО ДРАКОНА?

ПОЧЕМУ В КИТАЕ ЛУЧШАЯ (И ХУДШАЯ)  
СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В МИРЕ

*Главный редактор*

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

*Заведующая книжной редакцией*

ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

*Редактор*

МАРИНА КОВАЛЕВА

*Художник*

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

*Верстка*

ЛЮБОВЬ МАЛИКИНА

*Корректор*

ОЛЬГА РОСТКОВСКАЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ  
УНИВЕРСИТЕТ

«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 15.12.2016. Формат 84×108/32

Гарнитура PT Serif. Усл. печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 11,3

Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Изд. № 2065. Заказ №

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8 (499) 270-73-59